

сія (стр. 6), съ заранія (стр. 17), трупія (стр. 17), копія (стр. 17), копія (стр. 37), божія (стр. 37), веселія (стр. 41), граахуть (стр. 43).

В Екатерининской копии находим такие же написания в этих 9 случаях, что подтверждает показания первого издания.

Эти редкие примеры отсутствия иотации приводят А. С. Орлова к заключению, что рукопись Мусина-Пушкина была написана уже после падения югославянской орфографии, т. е. не в XV, а в XVI в. Однако, как мы уже указывали относительно «і» десятеричного, это явление не столько зависело от времени написания рукописи, сколько от самого содержания текста.

«Слово о полку Игореве» нельзя сравнивать с привычными церковными памятниками, где новое югославянское правописание укреплялось от списка к списку. В данном случае текст был исторического, притом совершенно особого содержания. В подобном памятнике приемы югославянского правописания не были обязательны. Самые примеры отсутствия иотации, встреченные в тексте поэмы, являются в сущности словами, характерными для такого церковного текста, как например, псалтырь: божія, сіа, вѣщія, веселія, копія, трупія. Они были настолько привычны для писца XV—XVI вв., что он мог машинально внести их в любой текст при списывании. Но их очень немного. Зато при 12 случаях «і» десятеричного и 9 случаях отсутствия иотации мы встречаем в первом издании непропорционально большое количество случаев употребления группы «плавная + глухая» типа «ръ», «ль». Подобных написаний имеется в издании «Слова» 71 случай на 17 страниц оригинала, т. е. в среднем от 4 до 5 случаев на страницу, или от 8 до 9 на лист, как мы это встречаем в рукописях с типичным югославянским правописанием.²²

Мы имеем две попытки объяснить это явление. С. П. Обнорский приписывает обилие написаний типа «ръ», «ль» (глухая после плавной) последнему писцу XV—XVI вв., который придал орфографии рукописи Мусина-Пушкина модный югославянский характер.²³ Как мы уже указывали выше, это вряд ли возможно в рукописи исторического содержания; притом количество их несоразмерно велико по сравнению с другими чертами нового правописания XV в. А. С. Орлов, который с самого начала отрицает югославянский характер орфографии в рукописи «Слова о полку Игореве», относит многочисленность случаев типа «ръ», «ль» за счет древнего протографа поэмы, т. е. видит в них отголосок орфографии первоначальной рукописи «Слова» конца XII в. Предположение это уже само по себе вызывает сомнение. В протографе конца XII в., притом в русском и не традиционном тексте, мы скорее могли бы ожидать преобладания случаев обратной постановки — глухой перед плавной, т. е. «ѣр», «ѣл», типа «вѣлкѣ», «пѣлкѣ». Разительное расхождение в количестве случаев «ръ», «ль» между первым изданием и Екатерининской копией также говорит против этого предположения. Правда, А. С. Орлов в данном случае слышит оба списка поэмы и пытается сделать выводы из их различий. Но если его предположение относительно редкости употребления «і» десятеричного подтверждается транскрипцией Малиновского, то в вопросе об употреблении группы «ръ», «ль» А. С. Орлов не пришел к ясным и бесспорным выводам. Он дает для первого издания статистику

²² Само собой разумеется, количество случаев зависит от содержания текста и распределение их поэтом не может быть равномерно.

²³ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского языка. М., 1939, стр. 90.